

- <sup>8</sup> Канивец В. И. Канинская пещера. М., 1964. Рис. 44, 45; Королев К. С. Раннесредневековая керамика многослойного поселения Шойнаты III на средней Вычегде//Археологические памятники северного Приуралья. Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985. Вып. 9. С. 110. Рис. 7; Зеленский В. С. Археологические памятники на Цильме//Там же. С. 145—147. Рис. 3; Плюснин С. М. Городища Нового Бора//Проблемы историко-культурной среды Арктики. Международный симпозиум. Сыктывкар 16—18.V.1991. Тезисы. Сыктывкар, 1991. С. 115—116; Могильников В. А. Угры и самодийцы... С. 203. Карта 39.
- <sup>9</sup> Майданова Л. М. Арёалы финно-угорской топонимики Урала//Вопросы топониматики. Доклады кружка сравнительно-исторического языкознания. Свердловск, 1962. Вып. 1. С. 26—27.
- <sup>10</sup> Ануфриева З. П. Субстратная топонимия угорского происхождения в бассейне Печоры//Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1990. С. 11—13; Туркин А. И. К вопросу об угорских названиях на территории Коми ССР//Проблемы историко-культурной среды Арктики... С. 134.
- <sup>11</sup> Туркин А. И. Указ. раб. С. 133.
- <sup>12</sup> Морозов В. М., Пархимович С. Г. Городище Перегребное I (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тыс. н. э.)//Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985; Пархимович С. Г. О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячелетия н. э.//Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991. № 20; Могильников В. А. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I — начале II тысячелетия//Проблемы археологии Евразии. М., 1991. С. 71—74, 88—89.
- <sup>13</sup> Лаврентьевская летопись//Полное собрание русских летописей. Т. I. I, II. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846. С. 107.
- <sup>14</sup> Дремов В. А. Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии//Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л., 1984. С. 121—122.

The problems of ethnic contacts between Khanty and Mansi in the past and exogamous marriage between Turinsko-Tavdinsky Mansi and Irtyskh Khanty based on the analysis of archaeological materials late 1st — early 2nd thousand A. D. are discussed. The question of late formation of eastern and northern Mansi groups, time of formation and native territories, Mansi migrations on Konda, Mid. Sosva and Lyapin as well as bigger Mansi ethnic unity than Khanty are set up by the author too. The problem to distinguish territory groups among the population of the North of the West Siberia on the base of detailed investigation of microregions and river basins is avised.

V. A. Mogilnikov

© 1992 г., ЭО, № 6

З. П. Соколова

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Прежде всего хочу выразить признательность журналу за организацию дискуссии по проблемам эндогамии, которым посвящены не только моя статья<sup>1</sup>, но и книга<sup>2</sup>. Несволью сравниваю эту дискуссию с дискуссией более чем двадцатилетней давности по статье Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия»<sup>3</sup>. Правда, та дискуссия была более оживленной, в ней приняло участие больше ученых. Но она сначала была устной и лишь потом ее материалы были напечатаны. Эта же дискуссия проходит иначе. Я уже написала свой «Ответ оппонентам», а подписчики еще не получили номер журнала, в котором опубликованы моя статья, открывшая дискуссию, и первые отклики на нее. Остается лишь сожалеть, что те из читателей-специалистов, кто хотел бы принять участие в обсуждении (возможно, финно-угроведы или лингвисты), сделать этого не смогут\*. К счастью,

\* Выход и доставка журнала (и не только «Этнографического обозрения») действительно запоздали, но это отнюдь не будет препятствовать публикации статей по проблемам дискуссии, хотя она уже завершена. Главное, чтобы эти статьи содержали новые материалы.— *Ред.*

в дискуссии приняли участие не только этнографы, но и антропологи, демограф, археолог. Нельзя не вспомнить также, что сравнительно недавно многие рассматривавшиеся в дискуссии вопросы, в том числе и связанные с эндогамией, обсуждались на страницах нашей печати<sup>4</sup>.

В целом дискуссия меня удовлетворила, она оказалась полезной. И, хотя В. А. Шнирельман сомневался в необходимости обсуждения ее главной идеи — надо ли доказывать большую роль эндогамности в жизнеспособности этноса, думаю, сама дискуссия ответила на этот вопрос положительно. Подчеркну, что в ней были подтверждены точки зрения на эндогамию, высказанные ранее, и сформулированы некоторые новые: эндогамия как признак или фактор интеграции этноса; оценка эндогамии как количественного показателя стабильности этноса; роль эндогамии и границ эндогамных ареалов в этногенетических и этноисторических исследованиях; эндогамия и численность этнической группы, эндогамия этноса и его подразделений; эндогамия и популяция; эндогамные ареалы и определение этнической принадлежности групп в этноконтактной зоне; методика исследования эндогамии; эндогамия — величина постоянная или переменная; типы эндогамии; эндогамия и другие признаки (показатели, этноопределители) этноса.

Моими оппонентами освещен преимущественно теоретический аспект проблемы этнической эндогамии и только слегка затронут (В. А. Могильников, В. К. Жомова и Н. И. Халдеева) вопрос об эндогамии внутри конкретного этноса: ее влиянии на его структуру, историю формирования самого этноса и его субподразделений. Однако подход некоторых оппонентов к материалам дискуссии меня несколько удивил: они нередко подвергали критике не предложенные для обсуждения материалы и вытекающие из их анализа выводы, а только выводы, будто бы основанные лишь на моем теоретическом кредо — приверженности теории этноса Ю. В. Бромлея и так называемому «этному подходу» в исследованиях эндогамии обских угров. Да, я согласна с Ю. В. Бромлеем в той части теории, где он говорит о таких признаках этноса, как территория, язык, культура, самосознание, эндогамия (не буду останавливаться на эволюции его взглядов), но отнюдь не разделяю всех положений теории этноса и особенно терминологии, на мой взгляд, весьма надуманной и искусственной. Мы все находимся в той или иной степени под влиянием идей друг друга, но в чем-то остаемся самими собой. Однако, не умаляя заслуг Ю. В. Бромлея в разработке теории этноса, напомним, что к тому времени, когда он начал свои этнографические штудии в этой области, я была уже сложившимся этнографом, воспитанным на методологии отечественной этнографии, и, естественно, отдавала себе отчет, чем должна заниматься, что такое этнография, чем различаются народы. В основе моих исследований лежит представление о том, что задача этнографии — изучать народы, их культуру, материальную и духовную, хозяйство, демографию, социальную организацию, этногенез и этническую историю, выявляя в них общее и специфическое для каждого народа<sup>5</sup>.

В последнее время у нас нередко можно слышать упреки в адрес этнографов (главным образом занимающихся отечественной этнографией) в том, что они мало теоретизируют. Да, головы у всех устроены по-разному: одни начинают рассматривать факты с точки зрения теории (а иногда подгонять их к ней), другие исходят из фактов, делая из их сопоставления возможные выводы, или, пользуясь столь любимыми некоторыми моими оппонентами иностранными терминами, одни предпочитают дедуктивный метод мышления и исследования, другие — индуктивный. Думаю, что и те и другие вполне нормально могут сосуществовать.

Мой склад ума и моя методология, основанная на принципах школы отечественных сибиреведов, всегда заставляли идти от фактов к выводам, отдавать приоритет именно фактам, особенно полевому (или архивному) источнику. Факты — воздух ученого. Сбор фактов, их сопоставление, обдумывание, установление реальных связей между ними — вот, на мой взгляд, путь ученого. Я никогда не считала себя теоретиком, хотя и не могу принять упрек М. В. Крюкова в том, что выводы и в моей статье, открывшей дискуссию, и в книге «Эндогамный

арсал и этническая группа» порой «приведены почти мимоходом, без должного обоснования». Характер проделанной мной работы по эндогамии обских угров свидетельствует о том, что это не абстрактное теоретическое исследование, а работа, выполненная в духе трудов нашей отечественной этнографии, основанная на большом фактическом материале (все подкреплено статистикой — какое еще «должное обоснование» нужно?), нередко не только оригинальным, но и уникальным, снабженная и необходимыми в данном случае выводами. При этом крен в сторону анализа фактического материала очевиден: мы создаем новый, вторичного характера источник, которым могут воспользоваться и теоретики (к сожалению, почти не воспользовались).

Что касается так называемого «этног подхода» в исследовании этноса, то, как я поняла В. А. Шнирельмана, он означает учет «объективных атрибутов этноса», таких, «как единство языка, культуры, терминологии, общность экономической жизни..., высокий уровень эндогамности», и «ведет к недооценке, а то и к полному игнорированию активной роли этнического сознания». Эта позиция представляется мне по меньшей мере странной. Она не основана на действительном положении вещей, более того, искажает его. Говоря об особенностях (признаках, показателях) этнографических и территориальных групп обских угров<sup>6</sup>, я в числе прочих (территория, язык, культура, эндогамия) выделила и самоназвания этнонимического или географического характера («собственные самоназвания, соответствующие самосознанию») <sup>7</sup>. Этнонимию можно считать областью исследований и лингвистов, и этнографов. Этнографы всегда занимались этнонимами, понимая их важное значение в определении этнической принадлежности группы. А что такое самоназвание, как не выраженное самосознание? И если мы говорим только о самоназвании, это означает лишь то, что речь идет о далеких временах (XVIII—XIX вв.), когда самосознание специально не изучалось. А потому кроме надуманности в «этног подходе» ничего, на мой взгляд, нет.

И в данной связи я очень высоко ценю именно работы, основанные на большом фактическом материале. Думаю, что в этом отношении наши отечественные исследования не уступают многим зарубежным, которые нам часто ставят в пример, а нередко и выгодно отличаются от них (хотя иллюстративная база у нас, конечно, ужасающая). Не буду подробно останавливаться на зарубежной литературе по проблемам эндогамии — М. В. Крюков и В. И. Козлов достаточно ясно показали, что наша наука в области изучения теоретических проблем этноса, этничности, эндогамии отнюдь не отстает от зарубежной, напротив, во многом опережает ее. Добавлю лишь то, что отметили некоторые оппоненты, характеризуя мою книгу: ни в отечественной, ни в зарубежной науке еще не было столь фундаментального исследования эндогамии у двух родственных народов за полтора столетия (кстати, народы эти обитают на территории четырех уездов, 21 волости, где расположено более 300 селений и зафиксированы представители свыше 2,5 тыс. фамилий; проанализировано более 21 тыс. браков).

Касаясь конкретных упреков (М. В. Крюков, С. В. Соколовский) относительно того, что я не знаю всей, в том числе зарубежной, литературы, посвященной проблемам эндогамии, поблагодарю своих уважаемых оппонентов за информацию о ней и замечу, что тем не менее это незнание не делает мои материалы и выводы ущербными и по существу ничего в них не меняет. Например, С. В. Соколовский, указав на несостоятельность моих выводов об эндогамии этноса, очень бегло, блистая эрудицией и знанием английского языка, характеризует достижения западных ученых в области изучения эндогамии — и все. Он даже не пытается перейти к рассмотрению материалов по хантам и манси в свете этих достижений в методике и теории, объяснив, что не является специалистом по этнической истории и исторической демографии обских угров. Неубедительно. Вот если бы он показал мои заблуждения, неправоту, неверные выводы на обско-угорском материале — тогда мог бы состояться серьезный разговор.

Разумеется, жаль, что я не знала раньше о работе С. М. Широкогорова об

этносе и эндогамии как одним из его свойств, цитированной М. В. Крюковым, что не прочла вовремя статью самого М. В. Крюкова «Этничность, безэтничность, этническая непрерывность»<sup>8</sup>, где он ссылается на нее. Увы, мы плохо читаем работы друг друга. По-видимому, наши методы овладения информацией настолько примитивны (а объем ее так велик), что мы в этом море информации успеваем схватить лишь самое необходимое, главным образом по своей узкой специальности. Ведь и сам М. В. Крюков, когда писал упомянутую выше статью, сетуя на то, что «в настоящее время, к сожалению, проблемы круга брачных связей в полном объеме у нас не исследуются»<sup>9</sup>, не вспомнил, что мною такая работа уже выполнена по хантам и манси, защищена в качестве докторской диссертации и частично опубликована<sup>10</sup>.

Ряд замечаний касается методики моих исследований эндогамии у обских угров, в частности методики выявления эндогамных ареалов, или кругов брачных связей (или градиентов плотности брачных связей), о чем пишут О. А. Мурашко, С. В. Соколовский и Г. М. Афанасьева. К сожалению, мои оппоненты (кроме Г. М. Афанасьевой) не учитывают специфики обско-угорских материалов: огромные территории, на которых жили ханты и манси, дисперсность их расселения, деление территории расселения на уезды и волости, связанное скорее всего с их племенным делением в прошлом, и др. Эти особенности диктовали выбор методики. Серия таблиц (в книге их 128)<sup>11</sup>, на которых основаны мои выводы, достаточно четко показывает вариативность и объективность выборки.

К сожалению, ни О. А. Мурашко, ни С. В. Соколовский не дали себе труда разобраться в приведенных мной конкретных материалах по брачным связям обских угров и тем не менее объявили методологические основы выполненной работы негодными, а следовательно, и сами выводы ущербными. Убеждена, что их упреки несостоятельны. Выбор методологических подходов в данном исследовании показывает отсутствие «предзаданности» в группировании изученных материалов, что подтвердил подробный анализ брачных матриц, проведенный Г. М. Афанасьевой с соблюдением методических требований выделения узловых районов брачных контактов населения. Если бы мои оппоненты были внимательны, они заметили бы, что мной выделены так называемые «клики» — совокупности волостей, население которых было связано взаимными брачными контактами. А это и есть узловые районы брачных связей хантов и манси.

Разумеется, я не считаю свою методику единственно правильной. В ней есть недочеты, связанные, в частности, с тем, что работа выполнялась в бескомпьютерное время. Методику следует совершенствовать, особенно если уточнять границы демов (кругов брачных связей, популяций), и тут я признательна Г. М. Афанасьевой за ее рекомендации. Однако ни приведенные С. В. Соколовским при характеристике моего подхода слова Дж. К. Райта о «методе мусорного ящика», ни «выявленная» им «особенность» моего подхода — «предзаданность», вследствие чего «его реализация наиболее очевидно обнаруживает несостоятельность утверждения об эндогамности этноса», не убедили меня в том, что моя методика порочна и выводы неверны.

Так эндогамен ли этнос? Можно ли говорить об этнической эндогамии? Кажется, никто из оппонентов, кроме С. В. Соколовского и В. И. Козлова, в этом не сомневается. Чем же подкрепляют они свои сомнения? Тем, что эндогамны государства, континенты. Тогда можно рассуждать и в общепланетарном масштабе: ведь еще не зарегистрирован ни один брак с инопланетянами! Кроме того, и другие признаки этноса — территория, язык, культура, самосознание — одновременно могут быть и признаками государства. Действительно, без территории государство не может существовать. В государстве всегда есть один или несколько государственных языков, без них оно также не может функционировать. Понятие о гражданстве можно по аналогии соотнести с этническим самосознанием и самоназванием. Даже в многонациональном государстве со временем складывается наднациональная культура его граждан. Примером может служить формирование исторической общности — советский народ<sup>12</sup>, пред-

ставителей которого (их иногда пренебрежительно называют «гомо советикус») отличают от граждан иных государств не только образ мышления и стереотипы поведения, связанные с идеологией (коллективизм, демократизм в общении, требования полного равенства всех со всеми и во всем, хлебосольное гостеприимство: «все что в печи — на стол мечи» и др.)<sup>13</sup>, но и определенные элементы культуры (любовь к русским блинам и щам, украинскому борщу, узбекскому плову, кавказскому шашлыку, сибирским пельменям, северной строганине и амурской юколе и т. д.). И если решить, что эти показатели можно рассматривать в качестве особенностей этноса, то такой же подход правомерен и в отношении эндогамии. Мы лишь должны условиться, что речь идет об этнической эндогамии.

Вопрос в другом: насколько существенна эндогамия для этноса, государства, континента и планеты Земля в целом, изменится ли их сущность, если не будет эндогамии? В этой связи, очевидно, уместно вспомнить о династических браках королей, царей и императоров европейских государств, бывших в прошлом нормой: характер государства не менялся от того, что в жены будущему или правящему королю брали принцессу из другого государства. Не изменился бы он, если бы частота таких браков была и выше. А характер этноса, его сущность, самобытность кардинально меняются с возрастанием доли межнациональных браков, т. е. с нарушением эндогамии.

Разумеется, бывают случаи, когда нарушение эндогамии, постоянное и длительное, приводит лишь к изменению физического типа и не затрагивает основных показателей этноса (язык, культура, самосознание) и сущности его как социальной категории. Примером могут служить гаремные браки с невольницами разной этнической принадлежности и их потомство. Но это скорее исключение, чем правило.

Является ли эндогамия признаком этноса? Помимо упоминавшихся уже положительных ответов на этот вопрос (С. М. Широкогоров, Ю. В. Бромлей), так считает и большинство участников данной дискуссии. Против выступают С. В. Соколовский, Г. А. Аксянова и В. И. Козлов. Правда, В. И. Козлов, приведя свое определение этноса в Большой Советской Энциклопедии, фактически признал эндогамию в числе его признаков. Г. А. Аксянова говорит о том, что эндогамия может быть показателем воспроизводства этноса, а не его самого. Аналогичная точка зрения у О. А. Мурашко, считающей эндогамию состоянием популяционной структуры этнической группы. Г. М. Афанасьева подчеркивает, что эндогамия — фактор популяционной гомогенности. Я не занималась специально вопросом соотношения эндогамии и популяции, однако к нему придется обратиться. А вот вопрос, на который обратила внимание Н. А. Дубова, — об эндогамии и численности этнической группы, мною рассмотрен на примерах этнографических и территориальных групп хантов и манси. Вопрос этот тесно связан с моими выводами, следующими из анализа эндогамных браков обских угров: в их этнографических группах уровень эндогамии выше, чем в этносе в целом.

Как отметила И. М. Золотарева в упоминавшейся уже дискуссии 1970 г., В. В. Бунак предложил считать первоначальной единицей популяции дем с примерной численностью около 5 тыс. человек<sup>14</sup>. Мы знаем народы Севера и меньшей численности — 1—1,5 тыс. человек (кеты, нганасаны). Н. А. Дубова пишет о больших и малых (1500 человек и менее) популяциях, так называемых изолятах. По всей видимости, мы можем рассматривать этнографические группы хантов и манси в качестве популяций (у хантов численность группы около 5 тыс. человек, уровень эндогамии — до 97,5%<sup>15</sup>), а территориальные с высоким уровнем эндогамии (у васюганских хантов численностью около 700 человек — 90%)<sup>16</sup> — популяций-изолятов<sup>17</sup>. Теперь, когда на огромном фактическом материале, в том числе по хантам и манси, показано соотношение эндогамии в пределах этноса в целом и его подразделений, действительно ясно, что этнос может состоять из частей, уровень эндогамии в которых выше, чем в этносе в целом.

С. В. Соколовский считает, что общность, которая распадается на эндогамные этнографические группы, не может быть этносом. Но мой уважаемый оппонент

забывает, что это разные таксономические ранги эндогамии, обуславливающие структуру этноса, — этническая эндогамия, эндогамия популяции, а внутри самой этнической эндогамии тоже имеются свои ранги — эндогамия диалектальных, говорных групп.

Материалы по хантам и манси показывают, что эндогамия этнографических, территориальных (диалектальных, говорных) групп различна, т. е. различна степень проницаемости эндогамных барьеров. Кстати, эта проблема соотношения различных таксономических рангов эндогамии в системе иерархии этноса почти не изучена и наши материалы — лишь начало таких исследований. Развитие человечества, как свидетельствуют исследования антропологов, идет от изолятов к современным смешанным этническим группам. Напомню, что, по мнению лингвиста-угроведа Н. И. Терешкина, в прошлом хантыйский язык был более монолитным, чем в XIX в.<sup>18</sup>, т. е. со временем, в связи с изолированным развитием групп хантов, произошло разделение их языка на существенно различающиеся между собой диалекты. Этнос развивается во времени и пространстве. В результате этнической эволюции под влиянием различных факторов он структурируется, делится на популяции, консолидируется. Выяснить, какие именно факторы (скорее всего из числа социальных) воздействуют на этнос, — одна из главных научных проблем.

Пожалуй, все угроведы согласятся со мной, что ханты, несмотря на большие различия их этнографических групп (языковые, культурные), при очень высоком уровне эндогамии в них, являются тем не менее одним народом (речь идет о периоде XVIII—XIX вв.), хотя еще окончательно и не консолидированным. Это мнение разделяют и соседи хантов. Культуру хантов, например, не спутаешь с культурой их соседей — ненцев, кетов, селькупов, особенно если учесть этнизирующие признаки ряда элементов культуры, не несущих функциональной нагрузки, таких, в частности, как орнамент. То же можно сказать и о других народах. Как один народ известны и мордва (несмотря на деление на мокшу и эрзя), и европейские и азиатские ненцы (хотя браков между представителями этих групп мало). Поэтому тот факт, что уровень эндогамии в популяции может быть выше, чем в этносе в целом, не должен нас смущать и не означает, что эндогамия не является признаком этноса. Может быть, сам термин «признак» и не очень хорош, лучше сказать «показатель», «этноопределиватель». Но ведь известная условность в терминологии свойственна науке. Во всяком случае, этнос без эндогамии, как и без других показателей (язык, культура, самосознание), теряет свою сущность. Следовательно, эндогамия — неотъемлемый признак этноса.

Каков этот признак — сущностный, основной и важнейший или дополнительный? Здесь спектр мнений оказался гораздо шире. Важнейшим, наряду с самосознанием, его считает М. В. Крюков. Большое значение ему придают Г. М. Афанасьева, Н. А. Дубова, Г. М. Давыдова, Н. И. Халдеева, В. К. Жомова.

Г. А. Аксянова утверждает, что я завышаю роль эндогамии, рассматривая ее «в ряду основных этнических показателей». Да, это так — «в ряду основных», но я нигде не пишу об эндогамии как о важнейшем показателе: лишь о «большой роли эндогамии», «об определенном значении ее в сложении этнографических групп хантов и манси», об эндогамии как признаке этнической группы, о том, что она может «помочь в определении... этнической принадлежности группы, в уточнении ее границ», я предлагаю использовать «статистический метод для более четкого очерчивания границ этноса в целом, а также его субподразделений», наконец, в заключении статьи я пишу о том, что мои данные позволяют «повысить роль и значение эндогамии, как признака этноса». И это связано с тем, что уровень эндогамии можно измерить количественным способом. Но права ли Г. А. Аксянова, утверждающая, что эндогамия — не признак этноса, а лишь «отражение функционирования основных маркеров этноса» (язык, культура, самосознание и др.)<sup>19</sup>, «лишь следствие изолирующего влияния основных этнических маркеров»? Думаю, нет. Это слишком упрощенный подход. А как же быть с теми этносами, в которых при довольно высоком уровне эндогамии почти не сохранились национальные языки, культура, общность территории? Эндогамия не отражает их

функционирование, здесь нет прямой связи. Г. А. Аксянова называет эндогамию «географической изоляцией в демографическом выражении». Действительно (и это отмечено Н. А. Дубовой, Г. М. Афанасьевой, а ранее — многими этнографами и археологами, занимавшимися изучением обских угров), ханты и манси жили очень изолированными группами, их культура под влиянием этого фактора развивалась медленно и отличалась гомогенностью; видимо, эти народы правомерно рассматривать в качестве изолятов. Но и изолированность их, как все в мире, была относительной: известно, что мужчины, когда не доставало женщин в собственной группе, находили жен в районах, удаленных от их поселений на 200 и более километров, да еще в условиях бездорожья.

Я не утверждаю, что эндогамия — единственный важнейший признак этноса, что только его надо учитывать. Напротив, всегда, и особенно в спорных случаях, необходимо принимать во внимание весь комплекс признаков этнической группы. В этом вопросе присоединяюсь к мнению С. И. Брука, писавшего, что «при выделении народов следует учитывать всю совокупность этнических показателей, характеризующих данную группу людей, их связь с другими этническими общностями»<sup>20</sup>. Хочу еще подчеркнуть, что само по себе изучение эндогамии не сводится лишь к определению ее уровня: большое значение имеют ориентации брачных связей этнической группы<sup>21</sup>, на которые в дискуссии не обращено внимания. Во-первых, они раскрывают пути формирования этнических групп, что важно для этногенетических и этноисторических исследований (это подтверждают и материалы В. А. Могильникова). Во-вторых, в некоторых случаях данные о степени эндогамности группы и направленности брачных связей могут оказаться решающими при определении ее этнической принадлежности. В. А. Шнирельман критически отнесся к моему определению этнической принадлежности салымских хантов. Этот упрек трудно принять. Во-первых, речь идет о спорном случае: в культуре салымских хантов много общего и с восточными, и с южными хантами, их язык лингвисты относят и к восточным, и к южным диалектам<sup>22</sup>. Во-вторых, вопреки предположению В. А. Шнирельмана, салымские ханты не могли, как малоатлымские, «в равной мере» вступать в браки с северными и южными хантами по той простой причине, что они жили на территории, расположенной между восточными и южными, а не северными и южными группами хантов (при определении этнической принадлежности группы должны учитываться не только сама эндогамия, направленность брачных связей группы, но и территория ее обитания).

М. В. Крюков, говоря о несовпадении культурных, языковых и эндогамных границ, делает акцент на том, что они никогда не совпадают полностью. Для современности действительно характерно несовпадение этих границ. Я же на обско-угорских примерах XVIII—XIX вв. делаю акцент на другом: это несовпадение — исключение из правила. Чаще всего для этносов, особенно не подвергшихся этническому размыванию (утрата культуры и языка), такие границы совпадают. Материалы по хантам и манси это наглядно демонстрируют. Вот почему эндогамия и предлагается в качестве показателя этноса.

Всегда ли значение эндогамии для этноса было неизменным? Думаю, что нет. На уровень эндогамии оказывают влияние такие факторы (и это отметили Г. М. Афанасьева и О. А. Мурашко), как естественно-географические условия, типы расселения и образ жизни группы, ее численность, административно-территориальное деление, соседство с другими этносами, характер межэтнических связей. Однако следует учитывать и время, о котором идет речь. Некоторые мои оппоненты забыли, что рассматриваемые мной материалы относятся к XVIII—XIX вв. и к этносам, характеризующимся недостаточной полной консолидацией их подразделений (этнографических групп), отсутствием собственной государственности, своих национально-территориальных образований и т. д. Нельзя не учитывать также историческую обстановку и стадию развития данного этноса. Думается, столь абстрагированный подход к проблеме этноса и его характеристике объясняется тем, что, отказавшись от марксистской, как мы считали, сталинской

теории наций (о стадийных различиях в этнических общностях — племя, народность, нация), мы перестаем различать этнические общности в диахронном аспекте. Если в дискуссии 1970 г. делались хотя бы попытки обсудить этот аспект, то теперь и их не было. Но напомним, что и в дискуссии 1970 г. эндогамия была признана исторической категорией. Я не призываю вернуться к старой точке зрения: деление народов на народности и нации всегда представлялось мне искусственным. Однако, рассматривая различные признаки этноса (территория, язык, культура<sup>23</sup>, самосознание, эндогамия, а применительно к народам Севера — и хозяйственные связи, и образ жизни), нельзя не заметить, что роль их в разные периоды истории этносов, например в XVIII—XIX и в XX вв., не была одинаковой.

В связи с этим не могу не остановиться на вопросе об этническом самосознании. В дискуссии 1989 г. (как и в нынешнем обсуждении) М. В. Крюков утверждает, что самосознание — «наиболее существенный признак этноса, важнейший этнический определитель». У этнографов, отмечает он, нет сомнения в том, что определяющим признаком этноса является самосознание. Н. Е. Руденский вторит ему: так якобы считает «большинство современных исследователей»<sup>24</sup>. Позволю себе с этим не согласиться. Во-первых, в науке проблемы никогда не решались большинством. Во-вторых, неясно, как выявлялось это большинство — опросом, подсчетом выступлений в печати или иным способом. Четко об этом высказались собственно только М. В. Крюков, В. А. Шнирельман и Н. Е. Руденский. Остальные либо говорят о самосознании с оговорками, либо вообще не говорят.

Не согласна я с этим тезисом и по существу. На разных этапах развития этноса самосознание, как и другие показатели этноса, играет различную роль. Самосознание может служить важнейшим этническим определителем лишь для этносов, которые мы наблюдаем в современный период, когда, с одной стороны, ими утрачены специфика культуры, нередко и язык, изменилась территория обитания, а с другой — существуют государства (преимущественно многонациональные), велика роль контактов, миграций, информации о народах, в том числе соседних, развиваются национальные движения, движения за суверенитет и соответствующая идеология, есть национальная интеллигенция — наиболее яркий выразитель национального самосознания. В подъеме национального самосознания большую роль играет национальная и государственная политика<sup>25</sup>, в его укреплении — переписи населения, паспортная система, специальное законодательство, касающееся национальных меньшинств, предоставляющиеся им льготы и т. п.; кстати, В. А. Шнирельман, сам того не подозревая, очень хорошо показал это явление на материалах тлинкитов (в его транскрипции — тлингиты). Он в противовес моим выводам о роли эндогамии в стабильности этноса приводит в своем отклике данные о тлинкитах, которые сохраняют свою этничность, хотя вступают в браки с беслыми и даже неграми, т. е. эндогамия у них нарушена. Но сам же пишет, что прежде чем тлинкит вступит в иноэтничный брак, проводится обряд ритуальной этнической идентификации («обряд адаптации»), т. е. «формального введения иноэтничной супруги в клан противоположной фратрии», и тогда дети «обретают тлингитскую идентификацию». Разве это не пережиток тех времен, когда принцип эндогамии соблюдался? В поддержании же самосознания тлинкитов, сообщает В. А. Шнирельман, большую роль играет современное американское законодательство<sup>26</sup>. Напомню, что к хантам и манси, о которых идет речь в данной дискуссии, и к остальным народам Севера царская администрация относилась как к социальному, а не национальному организму: все они числились в категории «ясажных»; у них не было письменности, не сложилась интеллигенция, не было национальных движений. Самосознание и самоназвание не были столь четко определены, как сейчас. Зато другие показатели этноса — язык, культура, эндогамия — были выражены четко. Поэтому на них и должна основываться характеристика этносов того периода и состояния.

В этой связи не могу согласиться с теорией безэтничности М. В. Крюкова, которую поддерживает В. А. Шнирельман, вводя термин «протоэтнос». Именно

такие общества они имеют в виду, когда указывают на нечеткость самоназваний этнических групп (при этом нельзя забывать и о нечеткости лингвистических классификаций, что характерно, как я показала, и для обско-угорских материалов). От того, что мы не вполне разобрались в этнонимах и языковых классификациях народов, народы эти, имеющие свои языки и культуру, отличающие себя от соседей, не перестают быть этносами. Как же можно их назвать «безэтническими»? Думается, здесь М. В. Крюков, увлекшись теоретическим абстрагированием, попал в ту же словесную ловушку, в которой оказался критикуемый им В. А. Тишков, написавший, что этносы — это лишь категории в умах ученых. Аналогично этому М. В. Крюков (как и Ю. В. Бромлей) считает этнографическую группу абстрактным понятием — «результатом деятельности ученых»<sup>27</sup>, тогда как она является объективной реальностью. Обско-угорская этнография опровергает эти точки зрения.

Г. Е. Марков, мне кажется, очень верно подметил, что «действительность значительно разнообразнее и сложнее, поэтому обобщающий подход может привести к противоречиям между теоретическими построениями и фактическим материалом... этнос как этническая категория... часто выступает в исследованиях в качестве некоего статичного образования, существующего без особых изменений на протяжении целой формации. Однако этносы, к каким бы эпохам они ни относились и какие бы формы ни принимали, представляют собой живые, исторически постоянно и достаточно быстро развивающиеся явления, которые проходят... ряд фаз развития, причем в разных географических, социальных, политических и других ситуациях синхронные и формационно однотипные общности могут выглядеть по-разному»<sup>28</sup>.

Этническое самосознание приобретает решающее значение чаще всего тогда, когда остальные показатели этноса — территория, язык, культура, даже эндогамия — утрачены или сильно изменились. При этом часто, когда утрачено все, кроме самосознания, фактически мы имеем дело уже с иными этносами, нежели те, которые им предшествовали. Примером могут служить те же народы Севера. В отношении этих народов с первых лет советской власти и до сих пор проводится особая политика государства, в том числе национальная, направленная на помощь им в их развитии. Не случайно они выделены в особую группу «малых народов Севера». В результате этой политики — национально-территориальное деление (создание автономных или национальных округов, национальных районов), закрепление самоназваний, проведение переписей, материальная и техническая помощь, дотации, льготы, создание письменности, национальной интеллигенции — очень резко возросло национальное самосознание народов Севера. Этнографы-североведы не раз наблюдали в полевых условиях смену самоназвания (и самосознания) у представителей народов Севера под влиянием только одного фактора — наличия льгот для этих народов. И я уверена: если сейчас отменить все льготы государства северным народам, через короткое время их численность резко упадет, так как многие представители этих народов давно утратили все особенности этноса — и язык, и культуру, и промысловое хозяйство, и образ жизни, и браки заключают (уже не одно поколение) межэтнические, и живут не на своей исконной территории, т. е. полностью либо обрусели, либо обьякутились. Если же ликвидировать автономные округа (о чем иногда говорят), подобные процессы усилятся. Таким образом, хотя по самосознанию (и самоназванию) это как бы народы Севера, в действительности это уже совсем иные этнические образования, чаще всего «почти русские» или «почти якуты».

Этнос, его показатели — исторические категории. Меняется этнос, меняется и эндогамия, ее роль и значение. Этнос — совокупность всех его признаков в том или ином сочетании, и рассматривать этнос следует с точки зрения всей этой совокупности. В разные периоды существования этноса его показатели могут играть разную роль. На ранних этапах существования этноса большую роль играют территория, язык, культура, эндогамия. На стадии развития собственной государ-

ственности или национальных движений, в условиях индустриальной и урбанизированной культуры, с утратой родных языков, распространением билингвизма, снижением роли эндогамии, когда ничего кроме самоназвания и самосознания не остается, именно они играют главную этноопределяющую роль (хотя нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как общность происхождения). Г. А. Аксянова верно подметила, что эндогамия — «надежный критерий интеграции этноса», он «наиболее эффективен в периоды, которые предшествовали современным демографическим сдвигам».

К сожалению, в дискуссии почти не нашел отражения вопрос об эндогамии как количественном показателе («статистическом признаке», по выражению С. А. Токарева<sup>29</sup>) этноса, его монолитности или консолидированности, значении количественных исследований в социальных науках. В. И. Козлов считает, что говорить о «„степени“ эндогамности почти столь же нелепо, как говорить о степени беременности». Но ведь и беременность бывает разная — однодневная, девятимесячная, закончившаяся выкидышем, мертворожденным или живым ребенком. Думаю, поскольку абсолютно 100%-ной этнической эндогамии почти не бывает, условно можно говорить и о степени эндогамии, или уровне проницаемости эндогамных барьеров.

Насколько важны статистические данные по эндогамии? Может быть, как отмечает С. А. Арутюнов, «дело не в проценте смешанных браков, а в социальной обусловленности этнического выбора у потомков?»<sup>30</sup>. Разумеется, это имеет значение, но снова вспомним о единстве социального и биологического в человеке и этносе. Кроме того, для ряда случаев (спорных, неясных), как мы показали ранее, важно именно количественное определение эндогамии. То, что эндогамию можно количественно измерить в отличие от иных показателей этноса, и выдвигает ее в число важных, а в ряде случаев, может быть, даже решающих показателей. М. В. Крюков полагает, что приводимые мной данные об уровне эндогамии — 95—97% — для устойчивого состояния этноса и 81—82% — при его размывании межнациональными браками — завышены. К сожалению, он не дал своему сомнению «должного обоснования». Замечу, что я не распространяю эти выводы на все народы, они касаются обских угров определенного периода. Г. А. Аксянова, В. К. Жомова, Н. И. Халдеева заметили мой осторожный подход к статистическим данным, касающимся размывания этноса (действительно, количественные показатели эндогамии этноса не абсолютны): во-первых, этот вопрос еще следует изучить на материалах других народов в разные исторические периоды, во-вторых, мои данные показывают довольно большой разброс в окончательных цифрах и здесь надо учитывать такие факторы, как численность группы, сходство соседствующих этнических групп и др. Напомню, что И. М. Золотарева также высказывалась о том, что для малых по численности групп «выход за пределы популяции в 10—15% приведет к быстрому изменению их этнических показателей»<sup>31</sup>. Кстати, данные А. Г. Волкова по титульным народам бывшего СССР в связи с переписью населения 1979 г., приведенные В. И. Козловым, сравнивать с данными по обским уграм XVIII—XIX вв. можно лишь корректируя в соответствии с историческим периодом и значением самосознания в наше время, о чем я уже говорила выше.

На вопрос В. А. Шнирельмана, «служит ли высокий уровень эндогамности непременным условием существования этноса», однозначного ответа нет. Это зависит от ряда факторов — численности этнической группы, роли для ее существования эндогамии или иных показателей этноса (самосознания, например) в данный исторический период. Но, очевидно, есть предел, нижний уровень эндогамности, нарушив который этнос теряет свою сущность. Ю. В. Бромлей назвал такой порог — 40%, однако, чтобы уверенно судить об этом, нужны конкретные исследования.

Таким образом, эндогамия — и качественный, и количественный показатель этноса. Статистические данные по эндогамии этноса показывают его консолидированность, помогают определить этническую принадлежность в ряде неясных случаев. Возможность изучить ориентацию брачных связей этнической группы

по материалам эндогамных и межэтнических браков и тем самым определить пути ее формирования, развития, делают эндогамию признаком этноса.

Нельзя не остановиться на проблеме выделения типов эндогамии, которую затронули мои оппоненты. М. В. Крюков рассматривает два «качественно различающихся типа» — эндогамию жестко регламентированную, опирающуюся на нормы обычного права, и спонтанную, без «видимых связей с правовыми категориями». По С. В. Соколовскому, в действительности есть лишь один тип эндогамии — культурно обусловленная, определяемая традицией и брачной нормой. Выделение типов эндогамии, по мнению М. В. Крюкова, имеет очень важное значение для решения проблем возникновения этнической эндогамии. В этом вопросе я склонна скорее согласиться с Г. М. Афанасьевой: эндогамия — явление стадияльное, историческое, ее значение менялось с течением времени под влиянием различных факторов. На основе первичной, территориальной (т. е. спонтанной) эндогамии изолятов сформировалась культурная (или культурно обусловленная) эндогамия. Что на что влияло — обычай на эндогамию или эндогамия на обычай? Думаю, влияние было и остается взаимным. Такова диалектика жизни.

Как оценить эндогамию у обских угров? Территориальная она или культурная? Если вспомнить о дуальном делении хантов и манси, их брачных правилах дуальной экзогамии с запретами браков в пределах фратрий, генеалогических групп, однофамильцев, то, наверное, культурная; но анализ данных по эндогамии обских угров показывает, что она одновременно и территориальная, связанная с изолированностью групп (популяций).

К сожалению, за рамками дискуссии остался вопрос о влиянии эндогамии на формирование языка, его диалектов и говоров. Кроме В. А. Могильникова никто не коснулся проблемы изучения эндогамии в аспекте этногенетических и этноисторических исследований.

Подводя итог, отмечу, что эндогамия — историческая категория, значение которой для жизнеспособности этноса зависит от целого ряда факторов, подлежащих изучению в каждом конкретном случае. И пока существуют народы, будет существовать понятие эндогамии и функционировать в той или иной форме (возможно, даже искаженной, зачастую номинальной) явление эндогамности.

В целом, очевидно, можно сделать вывод о том, что изучение эндогамии, эндогамных ареалов на примерах самых разных народов в различные периоды их истории необходимо. Оно важно не только для этнографов, исследующих этносы, этническую историю, этнические процессы, но и для антропологов, лингвистов, археологов. Дискуссия не поставила точку в решении ряда вопросов, связанных с эндогамией этноса. Накопление новых данных позволит нам увереннее судить о затронутых в дискуссии проблемах, ответить на некоторые неясные или спорные в настоящее время вопросы.

#### Примечания

<sup>1</sup> Соколова З. П. Эндогамия и этнос // Этнографическое обозрение. 1992. № 3; там же см. отклики на эту статью М. В. Крюкова, В. А. Шпирельмана, С. В. Соколовского и О. А. Мурашко. Отклики Г. А. Аксеновой и Г. М. Афанасьевой опубликованы в № 4 журнала за 1992 г., а остальные — Г. М. Давыдовой, И. А. Дубовой, В. К. Жомовой, В. И. Козлова, В. А. Могильникова и И. И. Халдсевой — в настоящем номере.

<sup>2</sup> Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа. М., 1990 (издание ротационное, тираж всего 280 экз., и, если бы не эта дискуссия, книга могла бы остаться не замеченной специалистами).

<sup>3</sup> Советская этнография (далее — СЭ). 1969. № 6; обсуждение этой статьи Ю. В. Бромля — СЭ. 1970. № 3.

<sup>4</sup> См. Расы и народы. 1989. 19.

<sup>5</sup> К сожалению, увлечение разработкой фундаментальных проблем теории этноса увело нас от непосредственных задач в сторону междисциплинарных исследований. В этой связи процитирую М. В. Крюкова: «...мы сами того не замечая отошли от твердо усвоенного еще нашими предшественниками правила: любые этнографические обобщения возможны лишь на основе кропотливого изучения конкретных народов во всем многообразии их неповторимых особенностей». (Крюков

- М. В. Советская этнографическая наука нуждается в перестройке//СЭ. 1988. № 1. С. 61). Замечу лишь, что, к счастью, не все забыли это правило.
- <sup>6</sup> Соколова З. П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп обских угров//Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 207—210.
- <sup>7</sup> Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа. С. 26—27.
- <sup>8</sup> Расы и народы, 1989. 19.
- <sup>9</sup> Там же. С. 13.
- <sup>10</sup> Соколова З. П. К вопросу о формировании...; *ее же*. Проблемы рода, фратрии и племени у обских угров//СЭ. 1976. № 6; *ее же*. Ляпинско-Сосьвинская группа манси по материалам брачных связей в XVIII—XIX вв.//История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979; *ее же*. Формирование этнографических групп северных хантов и северных манси//К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979; *ее же*. Выявление этнических ареалов на основе анализа брачных связей и языковых данных (на материалах обских угров)//Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983; *ее же*. Некоторые аспекты формирования казымской группы хантов//Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986; *ее же*. Проблемы социальной и этнической истории хантов и манси в XVIII—XIX вв.: Дис. на соиск. уч. ст. д-ра ист. наук. М., 1984 (гл. 1).
- <sup>11</sup> Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа. Табл. 1—128.
- <sup>12</sup> Очевидно, это та новая историческая общность — советский народ, которая все-таки начала складываться в процессе развития советского государства — СССР.
- <sup>13</sup> Это не только мои впечатления, об этом все чаще говорят и пишут, особенно люди, посетившие зарубежные страны и общавшиеся с нашими эмигрантами.
- <sup>14</sup> СЭ. 1970. № 3. С. 97.
- <sup>15</sup> Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа. С. 193. Табл. 127.
- <sup>16</sup> Там же. С. 194. Табл. 127.
- <sup>17</sup> В этой же связи, очевидно, следует рассматривать и племенные и межплеменные браки. Эскапада В. А. Шнирельмана по поводу межплеменных браков Северо-Запада Амазонии осталась для меня псаяной: я нигде не пишу о распаде и размыивании племенных групп под влиянием межплеменных браков (см. Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа. Гл. I и II).
- <sup>18</sup> Терешкин П. И. Хантыйский язык//Языки народов СССР. Т. 3. М., 1966. С. 320.
- <sup>19</sup> Г. А. Аксыпова по этому поводу пишет: эндогамия — «единственный обычай, который непосредственно поддерживает этнос как биологическую популяцию». Ответить на ее вопрос о соотношении официальной статистики брачности и реальной картины биологических контактов у обских угров я, естественно, не могу: по материалам XVIII—XIX вв. такой статистики нет. Впрочем, на вопрос, влияет ли наличие детей от браков, нарушающих эндогамию, на целостность этнической группы, она ответила сама и на мой взгляд, правильно.
- <sup>20</sup> Брук С. И. Население мира: этнодемографический справочник. М., 1986. С. 87—88.
- <sup>21</sup> Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа. Табл. 1—54.
- <sup>22</sup> Там же. Табл. 125.
- <sup>23</sup> О культурно-психических особенностях этноса см.: Крюков М. В. Ответ оппонентам//Расы и народы. 1989. 19. С. 44—45). Эти особенности, как и стереотип поведения, я бы рассматривала в рамках культуры.
- <sup>24</sup> Руденский П. Е. Теория этноса и белые пятна на этнографической карте//Расы и народы. 1989. 19. С. 8, 29.
- <sup>25</sup> Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия»//СЭ. 1970. № 3. С. 91.
- <sup>26</sup> Думаю, что искорректно сравнивать данные о самосознании у обских угров XVIII—XIX вв. и тликистов конца XX в. Замечу, что американцы высоко оценивают нашу национальную политику 1920—1950-х годов в отношении народов Севера и кое-что из нее позаимствовали, поэтому вряд ли стоит во всем ориентироваться на этническую политику западных стран (у каждой страны свой опыт, основанный на традициях). А именно выделение народов Севера в особую группу (без паспортной системы это было бы невозможно) помогло им выжить в современном урбанизированном мире.
- <sup>27</sup> См.: Крюков М. В. Этничность, безэтничность, этническая непрерывность//Расы и народы, 1989. 19. С. 17.
- <sup>28</sup> Марков Г. Е. Этнические общности как историческая категория//СЭ. 1986. № 4. С. 71.
- <sup>29</sup> СЭ. 1970. № 3. С. 91.
- <sup>30</sup> Там же. С. 102.
- <sup>31</sup> Там же. С. 91.

## To My Opponents

As a result of discussion it became clear that endogamy is a historical category whose meaning for ethnos vitality depends on a numerous factors and must be studied in every concrete case. The study of endogamy as a statistic index of ethnos gives an opportunity to indicate the level of its stability, consolidation and in the disputable or vagues case can help to define ethnicity of the group. The mechanism of ethnic groups formation can be defined by the marriage orientation, including endogamy transgression.